

Полет человека в творчестве Ефима Честнякова как этнокультурный проект: технические и нравственные основы

DOI 10.31483/r-99130
УДК 17.023.36; 808.1; 82.09

Самоделова Е.А.

ФГБУН «Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН)»,
Москва, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0002-3856-0578>, e-mail: helsa@rambler.ru

Резюме: Представитель Серебряного века Е.В. Честняков подходил к написанию литературных сочинений и их иллюстрированию с позиций художника и школьного учителя. Также он занимался живописью и лепкой из глины, самодеятельным кукольным театром с участием детей и фотографированием. В его многогранном творчестве широко представлена тема полета и создания летательного аппарата человеком. *Актуальность* исследуемой проблемы – сочинительства Е.В. Честняковым целых произведений и отдельных сюжетов о «человеке летающем» – связана с впервые поднимаемым вопросом о влиянии научно-технических, журнальных и газетных публикаций начала XX в. на литературное творчество. К материалу литературных сочинений Е.В. Честнякова применены *методы* историко-филологического исследования и «реального комментирования», основанные на сопоставлении авторских сюжетов и образов с фольклорными произведениями и данными о технических новинках его времени. *Результаты* исследования и их *обсуждение* показывают, что Е.В. Честняков глубоко изучал новаторские достижения современности и отражал их в творчески преобразованном виде в хорошо структурированной собственной системе разных видов и жанров искусства. При этом его волновали нравственные аспекты самолетостроения и вопросы влияния полетов человека на большие расстояния на веками устоявшуюся жизнь традиционного общества. Сделаны *выводы*, что многие новинки научно-технического прогресса, связанные с первыми полетами человека с помощью сконструированных летательных аппаратов и средств их обнаружения, привлекли внимание писателя и художника и нашли широкое отражение в его творчестве.

Ключевые слова: Серебряный век, полет человека в литературе, летучий корабль, сюжет о Стафии, литература Ефима Честнякова.

Для цитирования: Самоделова Е.А. Полет человека в творчестве Ефима Честнякова как этнокультурный проект: технические и нравственные основы // Этническая культура. – 2021. – Т. 3, № 3. – С. 40-50. DOI:10.31483/r-99130.

The Flight of a Man in the Work of Efim Chestnyakov as an Ethnocultural Project: Technical and Moral Foundations

Elena A. Samodelova

FPFIS "A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences" (IWL RAS),
Moscow, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0002-3856-0578>, e-mail: helsa@rambler.ru

Abstract: Representative of the Silver Age Efim Chestnyakov approached writing and illustrating literary works from the standpoint of an artist and a school teacher. He was also doing painting, clay modeling, hand-made puppet theatre with the participation of children and photography. The topic of creating an aircraft runs through his many-sided work. The *relevance* of the problem under study shows that Chestnyakov composed entire works and individual stories about the «flying man». For the first time, the question is raised about the influence of various publications of the early XXth century on the literary work of the writer. *Methods* of historical and philological research and «real commenting» are applied to the material of Chestnyakov's literary works, based on a comparison of the author's plots and images with folklore works and data on technical innovations of his time. The *results* of the study and their *discussion* show that Chestnyakov deeply studied the innovative achievements of his time and reflected them in a creatively transformed form in a well-structured own system of different types and genres of art. Also he was worried about the moral aspects of aircraft construction and the issues of the influence of human flights over long distances on the established life of a traditional society for centuries. Conclusions are made that the first manned flights on the designed aircraft and the means of their detection attracted the attention of Chestnyakov and were widely reflected in his work.

Keywords: Silver Age, human flight in literature, flying ship, plot about Stafii, literature by Efim Chestnyakov.

For citation: Samodelova E.A. (2021). The Flight of a Man in the Work of Efim Chestnyakov as an Ethnocultural Project: Technical and Moral Foundations. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 3(3), 40-50. (in Russ.). DOI:10.31483/r-99130.

Введение

Творчество Е.В. Честнякова (1874–1961), крестьянского писателя и школьного учителя, пришлось на Серебряный век и продолжилось в 1920–1930 гг., поэтому его деятельность логично рассматривать в контексте русской национальной культуры и этнокультурного образования первой половины XX в., уделяя должное внимание историческому, этнологическому, фольклористическому, литературоведческому и искусствоведческому аспектам. Именно в такой круг гуманитарных дисциплин обычно вписывают этнопедагогику, призванную

подчеркнуть этнические особенности воспитания подрастающего поколения [35; 10]. Наша задача – впервые обратить внимание на техническое проектирование в системе социальной и художественной деятельности в рамках этнокультуры, что было предложено Е.В. Честняковым на примере тематики полетов человека в небе на заре эпохи авиации, радиовещания и телевидения.

Материал и методы исследования

Творчество Ефима Честнякова имеет ярко выраженную просветительскую направленность, является синте-

зом литературы, народного кукольного театра с использованием керамических скульптурок и с участием детей, живописи и графики, авторских фотографий и покупных «туманных картинок» с демонстрацией их с помощью проекционного фонаря. В энциклопедических по сути и индивидуально-авторских творениях Е.В. Честнякова, предназначенных для ребятишек и взрослых, особенно жителей деревень, оказались сильны мотивы полета разных существ: стихийных духов, птиц реальных и фантастических, людей (в том числе и ряженных на календарные народные праздники) и созданных ими летательных аппаратов. Изображения крылатых существ и воздушных кораблей в литературных произведениях сочетаются с авторскими книжными иллюстрациями. Многие сочинения Честнякова с идеей полета относятся к началу XX в. и к 1920 гг. Это была эпоха начала воздухоплавания, когда создавались и стали использоваться для гражданской и военной авиации аэропланы в мире и России. Известны первые полеты писателей на аэропланах: напр., перелет Есенина с Айседорой Дункан с аэродрома на Ходынском поле в Москве в Кёнигсберг в 1922 г., когда супруги направлялись в заграничное турне по Западной Европе и Соединенным Штатам Северной Америки (США), о чем активно писали газеты. Многие поэты обратились к теме аэрофлота, появились стихотворения: «Авиатор» (1910 – январь 1912) А.А. Блока, «Героиза» (декабрь 1911 г.) Игоря Северянина, «Аэропланы над Варшавой» (24 декабря 1914 г.) и «К стальным птицам» (1915) В.Я. Брюсова и др.

В какой-то мере мы применяем методику так называемого «реального комментирования», используемую при подготовке академических собраний сочинений писателей, а также историко-филологический метод. Поскольку датировки большинства сочинений Е.В. Честнякова неизвестны, невозможно показать полную хронологию представлений писателя о способах полета его литературных героев, хотя в отдельных случаях удастся примерно датировать произведения, в том числе и с помощью употребленных писателем терминов для обозначения авиамашин и механизмов управления ими, основанных на испускании радиосигналов. Выстраивается следующий терминологический ряд: ковер-самолет (заимствование из фольклорных сказок), крылатый конь, корабль-ладья, птица-корабль, летучий корабль, летучая курица, летучий дом, дом-аэроплан, самолетный домик, аэроплан, самолет, легкие складные перелетки, воздушные города [31; 32; 33]. Наиболее частотен «летучий корабль». Его название восходит к образу из восточнославянского сказочного сюжета «Летучий корабль (корабль, плавающий по воде и ездящий по земле)» (СУС 513 В) [27] (здесь и далее: «Сравнительный указатель сюжетов» – СУС. – Е.С.), который представлен в собрании «Народных русских сказок» А.Н. Афанасьева (1826–1871), выдержавшем много изданий; безусловно, это было известно Е.В. Честнякову [2]. О сказке как фольклорном и литературном жанре писал А.М. Ремизов (1877–1957), современник Е.В. Честнякова, в заметке «Во власти сказок» (1955): «Сказочное, нарушая всякое разумение, проникает жизнь»; здесь же он указал источник сказочного, возводя его к творческому мышлению: «Мыслить – мысль – вымысел» [23, с. 238].

Результаты исследования и их обсуждение

Безотносительно к временным координатам и периодизации творчества Е.В. Честнякова все его герои, замышляющие достичь небес, способны оказаться там разными способами: 1) полетом творческой фантазии; 2) силой духа, в том числе с помощью христианской веры в отлетание человеческой души в небесный рай во время сновидений или после смерти; 3) перелетев туда на птице; 4) использовав птицеподобный воздушный корабль; 5) сконструировав крылья по подобию птичьих; 6) придумав и соорудив воздухоплавательное судно.

Все персонажи Е.В. Честнякова, которые не мечтают о небесном рае, а с иными целями совершают полет по воздуху, можно подразделить на несколько условных категорий: во-первых, это пассивные участники полета, порой не успевающие даже осознать факт подъема в воздух и мгновенного перенесения их какой-то сверхъестественной силой в другое место; во-вторых, протагонисты, специально призывающие птиц или пользующиеся их услугами для перелета в отдаленную местность для спасения другого человека, насильно унесенного могущественным противником; в-третьих, сознательные творцы технических средств для воздушных путешествий и прогрессивного освоения мирового пространства; в-четвертых, приглашенные на воздухоплавательную прогулку люди (часто девушки – крестьянка и царевна), к которым благосклонен главный герой произведения.

Положительный герой Е.В. Честнякова, как правило, принадлежит одновременно всем мирам: земному и внеземному (в том числе возвышенно-небесному), здешнему и потустороннему, современному и вневременному и т. п. Такой герой-протагонист, будучи человеком, иногда обладает крыльями или хотя бы потенциальной вероятностью их иметь, и они могут быть расценены как зримое доказательство его принадлежности к ангельскому чину. Так, в стихотворении «<Разговор Девы с Марком>» главный герой «один – без пары легких крыл» [31, с. 88] (раздел «Марко Бессчастный»), он похож на ангела, почему-то утратившего крылья; вместе с тем предшествующее утверждение «он в городе, но как в лесу» намекает на его сходство с другим героем – человеком-изобретателем из реконструированного Р.Е. Обуховым «Сказания о Стафии – Короле Тетеревином» Честнякова [33], который смастерил себе крылья наподобие птичьих и с их помощью легко оказывался то далеко от своего деревенского дома в лесу, то вообще в столице государства.

Космосом Е.В. Честняков интересовался со школьных лет. В «<Воспоминаниях о детстве>» он описывал свое внимание к небесным телам и восприятие астрономических фактов неграмотными крестьянами: «Версты от городу настиг Ивана Серого из нашей деревни (молодой мужичек)..¹ И я очень обрадовался.. И тотчас же начал рассказывать, чему меня учили в уездном училище [На небе появились звезды, и стал говорить] о географии. Это мне было особенно интересно и ново

¹Две точки – авторский знак Е.В. Честнякова (используется наравне с многоточием); далее встретится «ў» – предложенная писателем буква для диалектизмов.

и нравилось очень.. Оживленно сообщаю Серому, что Земля обращается вокруг Солнца.. о Луне.. планетах.. и Солнце и звездах.. Он удивлялся и поддакивал и с интересом слушал..» [32, с. 30]. Заметим, что у жителей Костромской губернии имелись свои (народные) представления об устройстве Вселенной и космических явлениях, совершенно не совпадающие с научными.

В рукописной книжке Е.В. Честнякова сохранился черновик его письма неизвестному адресату от 1913 г., когда он приехал во второй раз в Санкт-Петербург; там автор упоминает науку о космосе в числе других интересовавших его отраслей знаний: «И вообще желал бы ознакомиться в городе по возможности с делами всякого рода: живопись, скульптура, музыка, архитектура, машиностроение, агрономия, языковедение, астрономия, науки оккультные, театры и кинема и т. д.» [13, с. 46]. В том же черновике сообщается о задачах постижения научных дисциплин: «Конечные же цели у меня – деятельность в деревне» [13, с. 46].

Вероятно, Честняков воодушевился идеей энциклопедической деятельности Леонардо да Винчи (1452–1519), великого живописца и механика эпохи Возрождения в Италии и даже последовал ему в написании письма предполагаемому «работодателю». Леонардо в послании к Людовико Моро из династии Сфорца (по современному написанию – Лодовико Моро) перечислял свои умения и навыки [24, с. 28; 8, с. 32]. В отличие от Леонардо, Е.В. Честняков не получил работы.

Действительно, все дальнейшее творчество Е.В. Честнякова предназначено крестьянам для их просвещения. Под таким углом зрения рассмотрим авиационные и космические мотивы в сочинениях и картинах Е.В. Честнякова, задумываясь о причинах их уникальности, обусловленной не только оригинальной поэтикой, но и профессией школьного учителя их автора и стремительно меняющейся ситуацией в России, которая становится передовой промышленной державой.

Идея полета и его модификаций взята Е.В. Честняковым из разных источников: из народно-православных представлений о загробном путешествии человеческой души, из фольклорных и литературных сказок, народной несказочной прозы, фантастических романов, научных трудов по воздухоплаванию и космическим ракетам, газетных очерков о достижениях авиационной и космической промышленности и даже педагогической литературы.

Ценность книги Е.В. Честняков сознавал с детских лет и позже рассказывал доктору И.А. Серову об участии в составлении «Каталога книг и журналов, находящихся в Кологривской библиотеке. Составлен в 1919 году», в котором насчитывалось несколько десятков тысяч книг [26, с. 58]. В то время начали практиковаться избы-читальни для крестьян, и писатель был причастен к их работе.

В сборнике «Игры в избе» В.В. Белинович наряду с традиционными играми ребятишек показывает игры, сконструированные в духе времени, с отражением новых технических достижений: в разделе «Игры с прыжками» оказывается «Воздухофлот», когда водящий называет предметы, которые способны летать или нет, соответственно игроки подпрыгивают или стоят неподвижно [4].

В правильности своих художественных построений писатель убедился, когда под конец жизни прочитал в газете новость о первом полете человека в космос. Уважаемая им современница, жительница соседней деревни В.А. Кудрявцева рассказала, что Е.В. Честняков имел большую библиотеку, выписывал разные газеты и журналы, и передала директору Костромского художественного музея В.Я. Игнатьеву сохранившиеся подшивки «Известий» и «Комсомольской правды» с карандашными пометами: «В последнем номере «Комсомолки», который он прочел, было сообщение о полете в космос Юрия Гагарина» [14, с. 23].

В.Я. Игнатьев сообщил, что в экспедиции 1975 г. были найдены два номера журнала «Научное обозрение» за 1898 г. в заброшенной избе в д. Спирино Кологривского р-на (в избу-читальню этой деревни ходил Честняков). В журнале имелись подчеркивания красным и синим карандашами, в том числе в статье о «Самостоятельном горизонтальном движении азростата» К.Э. Циолковского [14, с. 40].

В поэме «Федорок» воздушный корабль неизвестного происхождения, но под управлением человека, утаскивает девушку Яю, доставляет ее к персонажу-антагонисту, некому подобию Кашея Бессмертного, а из плена невесту спасает жених – заглавный герой. Очевидно, из всех опубликованных к настоящему времени литературных сочинений Честнякова, это раннее произведение с сюжетом о воздушном транспортном средстве. В дальнейшем такой тип сюжета, в котором воздушное судно целиком организует повествование или хотя бы его часть, неоднократно встречается в творчестве писателя.

О воздухоплавательном аппарате, некотором скрещенье технического средства с птицей, в «Федорке» сообщается: «Вдруг в небесной синеве / От земли версты на две / Подлетел корабль-ладья»; «Просвистело, прошумело... / И близенько от девицы / Сел корабль манером птицы» [31, с. 210]. Е.В. Честняков точно передал высоту, на которой летали самолеты в начале XX в. Так, 1910 г. на Международной авиационной неделе в Санкт-Петербурге Н.Е. Попов на аэроплане взмыл в небо на 600 метров, а 30 октября того же года на высоте 2582 м (то есть примерно «версты на две»; в 1 версте – 1,06 км) поднялся винтовой самолет «Wright Flyer» Ральфа Джонстона на турнире в Элмонте (г. Нью-Йорк, США); до 1914 г. русские летчики установили 10 мировых рекордов высоты, продолжительности и дальности полетов, а в 1924 г. во Франции самолет преодолел уже планку в 12 066 м от земли [18].

Рубеж XIX–XX вв. и весь Серебряный век ознаменовался всеобщим интересом к воздухоплаванию. А.Н. Толстой, младший современник Честнякова, еще в детстве, до 16 октября 1896 г., в письме к матери рассуждал: «Милая мамунюшка, я решительно хочу изобрести летательную машину, чтобы слетать в Киев для двух целей: увидеть тебя и разбить морду нехаме, даже не хочу ее имя с большой буквы писать, не доросла еще» [21, с. 59, №14]. Когда он стал студентом Технологического института императора Николая I в Санкт-Петербурге, он послал родителям отдельным письмом в конце января – начале февраля 1902 г. рассказ без заглавия,

с мотивом построения воздухоплавательной машины для спасения от летней жары: «Вон, вверх, наверно, прохладнее. Эх, чтобы изобрести этаким летательный аппарат да подняться повыше, распрощаться с этим сонным царством...» [21, с. 98, №35а]. И уже в период до 17 января 1917 г., состоя военным корреспондентом во время Первой мировой войны, Толстой писал из г. Минск своей жене Н.В. Крандиевской: «Дело в том, что у нас организуется новое дело: передвижные по фронту мастерские для починки аэропланов; меня хотят послать к Дуксу (Меллеру) для изучения деревянных частей аэропланов» [21, с. 267, №182].

В «Федорке» Честняков описал, как очевидцы из крестьян, дедушка Фаддей и еще один наблюдатель, улавливают сходство воздушного корабля одновременно с птицей и плавательным судном: «Ястреб, будто ростом с лодку»; «В облаках плыла ладья» [31, с. 212]. Упоминание ястреба выглядит совершенно логичным у писателя, родом из таежной деревни, но Е.В. Честняков мог последовать, пусть даже невольно, за Леонардо да Винчи, заметившим в одной из рукописей: «Птицы меня радовали в самом раннем детстве, и когда я был еще в колыбели, меня, говорят, посетил однажды большой коршун, не причинив мне зла» [28, с. 83]. Показательно, что характеристика «Просвистело, прошумело...», которая, на первый взгляд, кажется звуковым описанием птицы (она же и упомянута в конце словесного изображения воздухоплавательного аппарата), одновременно восходит к техническому движущемуся средству, явленному чуть позднее, когда Федорок прибывает на железнодорожную станцию, чтобы далее следовать на поиски пропавшей невесты:

«Вон там скоро уж вокзал;
Ходят, свищут поезда;
Приезжают господа.
Увезут тебя пути <...>» [31, с. 214].

Впервые оказавшись в столичном городе с высокими многоэтажными домами, удивившись их скопищу и тягелому, давящему воздействию на души людей, Федорок начинает сравнивать корабль-птицу с небоскребами: «И ее корабль – как птицу. // Будто с крыльями она // И похожа на дома» [31, с. 216]. Его описание воздушного корабля дополнена точкой зрения на него девушки Яи:

Вот летит корабль крылатый
Над высокою палатой,
И на крыше, где он жил,
Крылья легкие сложил [31, с. 216].

Подобное описание еще раз встречается в стихотворной сказке «<Девичий сон>», в которой крестьянские девушки прямо с вечерней «беседки», где они пряли, были приглашены небесными феями-сестрами в столицу – то ли въявь, то ли во сне. Там они поднялись на крышу Эрмитажа и размышляли о том, как бы оказаться в пригородном лесу:

Крылья в воздухе запели...
Над эстрадой повисел..
Да и на пол тихо сел..
Сили² в лебедь.. полетели [32, с. 112].

²Е.В. Честняков часто отражал при письме диалектное произношение.

Образ лебедя Е.В. Честняков мог вычитать в книге Габриэля Сеайля (1852–1922) о Леонардо да Винчи и, несмотря на представление птицы в монографии в виде символа ученого-энциклопедиста, изобразить ее воздухоплавательным транспортным средством: «Он, как великая птица, примет свой первый полет на спине благородного лебедя (сесего), приводя весь мир в изумление, наполняя все книги (tutte le scritture) молвой о себе, доставляя своей родине вечную славу» [25, с. 217]. Вероятно, Е.В. Честняков, будучи художником и интересуясь историей искусств, считал великого Леонардо своим идеалом и даже следовал ему во многих собственных творческих начинаниях.

В этих двух описаниях – в «Федорке» и «<Девичьем сне>» – Честняков как бы предвосхищает использование плоских крыш на домах-высотках в качестве вертолетных площадок, как это стало практиковаться в Москве с конца XX в., уже после кончины писателя. Такие площадки нужны для экстренной медицины и, вероятно, для ликвидации чрезвычайных происшествий. Честняков мог читать сообщения периодической печати о наблюдениях горожан над полетами самолетов над их городом в начале XX в., особенно когда он сам находился в столице. Так, в иллюстрированном журнале «Искры» 29 июня 1914 г. было напечатано сообщение о перелете авиаконструктора и пилота И.И. Сикорского на созданном им самолете «Илья Муромец» из Санкт-Петербурга в Киев 17 июня: «Расстояние 1020 вёрст покрыто в 13 часов 10 минут. Сикорский с товарищами оставался в Киеве до 26 июня, причём сделал несколько полётов над Киевом. Во время одного из полётов в числе пассажиров были сестра Сикорского, его дядя, вице-председатель киевского общества воздухоплавания Марков и другие. Полёт, совершённый на высоте 1400 метров, наблюдался буквально всем городом, высыпавшим на балконы и крыши» [15].

В поэме «Федорок» уже были намечены основные черты воздухоплавательных кораблей, а в дальнейшем Честняков более тщательно задумывался о технических приспособлениях для полетов по воздуху, размышлял об их конструктивных деталях. Один из главных героев Честнякова – крестьянский парень Стафий – подчеркивает наследование своих летательных идей из народных сказок: «И, конечно, думал, как и все, о скатертях-самобранках, коврах-самолетах <...>» [33, с. 57]. Е.В. Честняков указывает основы изобретательства: «И у него дело с игрой мешаться стало... // И забавная игра вначале – потом окажется работой важной... Фантазия несется впереди практического дела... И в грядущем воплотятся наши измышления, – так говорил» [33, с. 57].

Е.В. Честняков, сам происходя из крестьян, определяет универсальность крестьянского труда: «Как крестьянин, он – мастер на разное <...>»; и следом: «Занятия его – вроде изобретательства оригиналов... своих манер... а это не ремесло, не на продажу»; «Крестьяне – мастера чуть ли не на все руки, ну и он тоже. Знал, умел все работы и завлекался очень усидчиво разными занятиями» [33, с. 56]. В перечне крестьянских умений – «земледелец, плотник, сапожник» и так далее – неожиданно появляются «архитектор и инженер», которые

как раз и реализуют в творчестве Е.В. Честнякова две совершенно разные идеи полета – с помощью крыльев и специальных летательных аппаратов [33, с. 56]. Заметим, что мастерством в двух указанных профессиях особо гордился Леонардо да Винчи, что отмечено его биографами [25, с. 21–22; 27, с. 85; 8, с. 22].

Е.В. Честняков описывает и процесс построения летательного аппарата, и получившийся его внешний вид: герой от продажи глиняных свистулек «купил на выручку крепкой желтой шелковой ткани и принялся очень усердно думать и делать. Обдумывал-раздумывал, делал-переделывал много-много раз разные части для корабля... И уже сделанный корабль переделывал много-много раз... // Так прошел не один год. // Главное его дело было – летучий корабль» [33, с. 62]. Сложность осуществления поставленной задачи ощущал и великий предшественник Е.В. Честнякова – Леонардо да Винчи, судя по его наброскам и чертежам воздушного аппарата: «Какое терпение и какой скрытый энтузиазм обнаруживается в его постоянных усилиях создать летательную машину! В течение более тридцати лет, среди стольких забот и замыслов, он работает над нею сначала в Милане (рукопись В), потом в Риме (рукопись Е)» [25, с. 217].

Внешний вид летательного аппарата также важен Е.В. Честнякову; рисуя его технический портрет, он удостоверяет возможность сооружения транспортного средства и убеждает в том других. Именно поэтому описание чрезвычайно пространно, с указанием множества конструктивных деталей и механизмов. Е.В. Честняков предназначал свои сочинения в первую очередь крестьянам; поэтому, чтобы читателям (или слушателям читаемой вслух книги) было понятно устройство летательного аппарата, он опирается на известные зрительные образы обычных бытовых предметов севернорусской деревни: «Корабль его похож на птицу с раскинутыми крыльями – вроде солоницы дедушка Алесандра... <...> (царство ему небесное), выдолбленной из березовой валовушки, только без крыльев. Солоница та – корабль сделан, шелковые – и корпус, и крылья. Скрепляли корабль придавали ему крепко устойчивую форму прутики какие-то вроде жимолосточек.

Птица-корабль без спины, а с дном как ковш. На голове птицы – вроде хохол, формой как коронка. Куда-то вкладывался внутри корабля маленький ящик с запасом энергии, и так, что его не было видно. Для управления кораблем на борту, ближе к переду, – рычажки, штифтики, ручечки, кнопки, пуговки... А на хохле-короне – так справа и слева по пуговке. Понажать левую пуговку – и птица мигом сложится и будет похожа на недотку свернутую. Когда корабль сложен, голову птицы не видно, она прикрылась краями шелковой ткани. И можно взять на плечо и даже под пазуху и нести – не столь тяжело для взрослого человека» [33, с. 62].

Заметим, что впервые произведение опубликовано в московском издательстве в 2007 г. и для современных читателей-горожан, не владеющих костромским диалектом и не знающих особенности местного рыбного промысла, публикатору Р.Е. Обухову пришлось сделать словарное толкование: «Недóтка – бредень из редкой ткани для ловли мелкой рыбы» [33, с. 354]. Если Е.В. Чест-

няков рассказывал или зачитывал фрагменты «Сказания...» жителям д. Шаболово и окрестных деревень, они, безусловно, прекрасно представляли в своем воображении устройство летучего корабля Стафия.

Показательно, что Е.В. Честняков описывает складной вид летательного аппарата, и это было чрезвычайно важно для его героя, желавшего в определенных ситуациях скрыть и замаскировать свое техническое творение. Почему? Потому что не все люди, особенно из числа крестьян, которые, казалось бы, должны были быть ему наиболее близки из-за общего социального происхождения и даже кровного родства, разделяют инженерные успехи Стафия, считая их излишними, ненужными для деревенского житья-бытья.

Если вспомнить историю мировой авиации, то профессор фирмы «Messerschmitt AG» Александр Липпиш в 1942 г. получил патент на конструкцию самолета с изменяемой геометрией крыла (крыло изменяемой стреловидности), а первый серийный военный самолет-истребитель был запущен американцами в 1967 г., уже после кончины Е.В. Честнякова, а в России в 1969 г. появился «СУ-17» конструкции Сухого [19, с. 540, стб. 1608]. Однако Е.В. Честняков мог опираться в своем домысливании складного воздушного судна на бумажные самолетики, умению делать которые для развлечения и занятия детей обучали учителей и «садовниц» (так в начале XX в. называли воспитателей детского сада) [24]. Также он мог перенести идею складной конструкции с зонта на авиационный аппарат. Известно, что у Е.В. Честнякова был зонтик (он его потерял и нарисовал плакат с девочкой, которая сможет его найти и вернуть) [22, с. 244]. 4 мая 1715 г. в Париже изготовили первый складной зонтик, в 1770-е гг. зонты вошли в употребление повсеместно, с 1850-х гг. каркас делают из стали; русские купцы в начале XX в. применяли зонт-трость, который также складывался [12]. Но, как уже было сказано, еще раньше складную конструкцию летательного аппарата запечатлел в своих рисунках, чертежах и описаниях Леонардо да Винчи: «В снаряде (рисунок которого находится в Валенсиенском музее и в рукописи В) воздухоплаватель лежит, растянувшись на доске, а впереди ее находится нечто вроде румпеля; к румпелю прикреплен прут из круглого железа, на котором держатся крылья и их составные части <...>» [25, с. 221].

Е.В. Честняков, как настоящий инженер-конструктор, устремляет своего героя Стафия в испытательный полет, а как крестьянин, для которого свадьба является главным событием в жизни и показателем возмужания человека, совмещает испытание летательного аппарата со сватовством его пилота. Он направляет Стафия в подходящие удаленные деревни со сходным хозяйственным укладом и добрыми нравами жителей и избирает календарно-значимое время для предсвадебного периода – Фролов день (31 августа по н. ст.), когда хлебные колосья сжаты и озимое зерно посеяно. Итак: «Когда корабль стал совсем готов, Стафий решил его пробовать на полеты в свободном пространстве» [33, с. 62]. По жизненной логике крестьянина-изобретателя Стафия, все его сознательное существование должно состоять из двух этапов: из конструирования воздушного судна и дальнейшей

счастливой семейной жизни: «<...> он безо всякого не-пременно хотел выполнить свой завет: как-де построит корабль, так и жениться будет. И он непременно решил лететь свататься» [33, с. 63]. Полет предполагался сразу для пользы дела и все-таки продолжительный, поэтому Стафий тщательно подготовился: назначил предутреннее время, когда в деревне все еще спят, основательно поел, собрал необходимые для путешествия вещи.

Интересно, что Честняков изображает летательный аппарат двояко: как реальную птицу и как крестьянскую поделку, имеющую орнитоморфную форму (вспомним птицеподобную солоницу). Писатель описывает полет воздушного судна подобно летчику-испытателю, составляющему отчет об испытании нового корабля в небе, начиная с выкатывания агрегата на летное поле, со старта, планирования в воздухе и заканчивая приземлением. Итак: «Вынес Стафий сверток корабля на улицу, на сухую лужайку, понажал пуговку на правой стороне короны-хохла – и корабль мигом раскрылся на лужке, как птица, раскинув крылья.

Положил в корабль торбочку с хлебом, солью, штаны и рубашку... И в передней части у шеи птицы разместился сам, встал-сел на корабль. Повернул немножечко вправо некоторый рычажок-крючок... У птицы хвост от горизонтального положения поднялся выше и стал наклонно – градусов на двадцать. Тронул Стафий другой рычажок... И корабль бесшумно стал подниматься...» [33, с. 65].

Писатель мог опираться на рисунок-схему летательного устройства, обнаруженную в записных книжках Леонардо да Винчи и похожую на «недотку» Честнякова со складными крыльями, даже с крючками [25, с. 222].

Сама придуманная летательная конструкция такова, что обнимает собой одновременно несколько типов воздушных машин и научно-технических достижений: она способна раскрывать и складывать крылья, как самолет; допускает горизонтальный взлет, как вертолет или ракета, а позднее – космический корабль; бесшумность напоминает о глушителе у автомобильного двигателя. Заметно, как Е.В. Честняков с большой любовью и воодушевлением описывает придуманное техническое детище: во многих местах повествования он с теми или иными новыми подробностями живописует его устройство и особенности полета.

Надо уточнить, что «Сказание о Стафии – Короле Тетеревином» – это в определенной мере условное, сконструированное произведение, буквально составленное Р.Е. Обуховым из разных фрагментов рукописей Честнякова. В частности, об этом свидетельствует путаница с изготовителем солоницы в форме утицы, который именуется то дедушкой Алесандром, то Левонтием (см. ниже), хотя можно допустить, что такой вид солонки был типовым и имелся у многих севернорусских жителей. Точный сюжет «Сказания...», понимаемый как последовательность изображения автором событий в художественном произведении, вероятно, навсегда останется неизвестным; однако фабулу (как линейную схему) Р.Е. Обухов восстановил очень убедительно. Исходя из этого, мы вправе сомневаться в том, сколько раз Е.В. Честняков намеревался дать читателям описание

летающего корабля в своем произведении, если бы он довел его до печати; соответственно, мы не знаем, какие фрагменты и в какой последовательности писатель хотел включить в текст, а какие оставил бы навсегда вариантами; также можно допустить, что эти словесные зарисовки предназначались не для одного сочинения, а для целого ряда «сочинушек». Однако совершенно ясно, что большое количество описаний летательного аппарата и полета на нем свидетельствует об устремленности мыслей Е.В. Честнякова к покорению воздушного пространства и космоса человеком. Повторим: Е.В. Честняков вводит разные образы воздушных кораблей, их создателей и испытателей в различные свои сочинения – в «Сказание о Стафии – Короле Тетеревином», в поэмы «Федорок», «Титко» и др.

Мы не знаем, в какие точно годы Е.В. Честняков сочинял «Сказание о Стафии – Короле Тетеревином» (очевидно, в начале XX в.; текст написан по старой орфографии). Он описывает скорость передвижения на летательном аппарате, которая могла показаться его современникам-крестьянам до Октябрьской революции 1917 г. фантастической, хотя она действительно была такой уже в начале XX в. С середины 1940-х годов, когда во многих небольших поселках появились аэродромы и перемещение людей между населенными пунктами Костромской обл. осуществлялось с помощью авиации, такие скоростные перелеты уже никому не казались заимствованными из волшебных сказок с коврами-самолетами.

Имелись аэродромы в Шолохове, Мантурове, Боговарове, Воробьевце, Вохме (с 2014 г. с самолетом АН-2), Ведрове и, самое главное, в райцентре близ «малой родины» Честнякова – в Кологриве и в соседнем Макарьеве (если измерять пространство по-прежнему уздами) [3]. Существовали «вертодромы» (вертолетные площадки) гражданского, военного назначения и спасательной авиации в Волгореченске, Понге, Буге, Вохме и Костроме; сейчас есть в Буграх и Мясницкой [3]. Имеются сведения о летных площадках в с. Нежитино Макарьевского р-на на р. Унжа с вертолетом «МИ», с. Красногорье (Спас) того же района и на упомянутой реке. Сейчас действуют аэродромы в Костромской обл.: в Сокиркино (Сокиркино) в 8 км от Костромы (с 1944 г.); Татарское, Некрасово, г. Чухлома, г. Шарья [3].

Писатель не называет скорость полета, но показывает крошечные отрезки времени, затрачиваемые «летучим кораблем» для одоления пути в соседние деревни: «Стафий сначала летел не столь быстро: полминуты над Шабалой, полминуты над склоном горы (напротив ключика), две минуты над лугом, полминуты над рекой... <...> Утиную лягу пролетел уже через пять минут после вылета из дому. Летит дальше прямо на восток. Поднимается выше, и прибавил быстроты. Не прошло и полчаса в пути, на заре перед восходом солнца долетел до деревни Рябково, где нынешний Солюг... около того места... подальше немного» [33, с. 65].

Интересно, что Стафий прячет летучий корабль от жителей другой деревни, как это в реальности делали во время боевых действий (уже в Первую мировую, далее в Гражданскую и в Великую Отечественную войну) военные летчики, набрасывая ветки на самолеты или загоняя

их в специальные авиационные ангары. У Е.В. Честнякова это происходит так: «Вышел Стафий на луговину, сложил корабль, взял под пазуху, отворил дверку в овин и положил корабль под пеледом, не на землю, а на пересовицы, где пеха и метелки, от земли высоконько... у самой крыши... <...> “овин нехожалый, – думал Стафий, – и не зачем приходить кому тут в овин...”» [33, с. 66]. Нашим современным читателям предназначены толкования диалектизмов в книге: «Пéлед, пеледá – мелкий сор (мякина, солома), который накапливается на двойном потолке овина; нижний потолок делали из жердей-пересовиц; «Пехá – орудие для сдвигания (пихания) мусора в виде дощечки, насаженной поперек на палку» [33, с. 355].

Честняков на примере «летучего корабля» и других «диговин» поднимает несколько сложных проблем. Во-первых, «о пользе изобретений», для производства которых «фабрики и заводы загрязняют, опорочивают землю и отравляют газами» [34, с. 89]. Во-вторых, серьезный вопрос о том, кто должен платить за изобретения: государство, общество (хотя бы на уровне соседей по деревне), сам изобретатель, продавая «диговины»? Так, при сватовстве Стафия в деревне Рябково возникает спор с ее жителями о смысле жизни: «изобретателю» не на что содержать семью, хотя его труды по завершении их конструирования облегчают жизненные условия всему человечеству, но столь же важен и «отец семейства», он «служитель жизни не меньше изобретателя – без детей жизнь погибла бы» [33, с. 90]. Другие философские проблемы будут возникать и дальше, по ходу действия «Сказания...».

Однако Е.В. Честняков создавал не философский трактат, а художественное произведение, и потому «летучий корабль» оказался пружиной сюжета: молодой крестьянин случайно обнаружил в заброшенном овине нечто – «большое, мягкое и жесткое что-то» [33, с. 95]. В результате возник интерес: «Пахомко, наклонясь, рассматривал, искал толку, чтобы раскрыть, трогал пуговки... Одну токо поднажал как-то, и вдруг... для всех неожиданно развернулось все сразу какими-то пружинами – как бы большой шелковый ковш... крылатая птица... И кое-кого из кружка задела, хлестнула крыльями, но не так что особо больно» [33, с. 96]. В итоге Пахомко невольно оказался внутри корабля: «Все хорошо, гладко, как в солонице в виде утки, что сделал дедушко Левонтий из березовой валовушки. И сидеть есть местечко в задней части ковша вроде лавочки вплотную к стене, и не отставляется» [33, с. 96]. В конце концов Пахомко улетел из деревни в лес, хотя пытался сбросить с воздушного корабля веревку для его остановки, но было слишком поздно.

Роль Пахомка заключается отчасти в том, чтобы показать опасность полета на незнакомом воздушном корабле случайного пассажира – при отсутствии пилота, а заодно порассуждать об энергии, которая дает летную тягу. Пахом недоумевает: «Кабы правная птица – кормиться опустилась бы где-нибудь... И чем летит она? Диво! Машины вот, говорят, дровами али чем другим топят, чтобы пошли, а тут и видного ровно ничего нет... Чем оно действует, что с ним приключилось? – тоскует душа» [33, с. 98]. Крестьяне также размышляют о необхо-

димости технической подпитки или естественного корма для странного аппарата – подобия птицы: «Живая – захочет есть, а сделанная – тоже требует топлива али чего, а то сила будет убывать» [33, с. 106]. В отличие от добровольно «улетевшей деревни» в дальнейшей части сюжета, крестьяне д. Рябково отправляются на поиски унесенного Пахома, причем «дедушко и баўшка» именуют воздушное судно «летучей курицей», а прежде другие жители деревни называли уважительно – «Это царь-птица, робяты, вот и с коронкой...» [33, с. 107, 96].

Полет рассматривается как угроза жизни: «Не знает Пахом, куда унесет эта птица и остановится ли где, не улетит ли она до самого краю белого света»; «Эх, прощай, белый свет, – тоскует душа. – Куды я личу и долго ли так, и много ли верст – тыщу, мильон? И будет ли конец? Остановится птица хоть где-нибудь?» [33, с. 98]. Пахом здраво рассуждает и о возможности поломки летательного аппарата: «А как ежели сделается что, испрохудится тут, не полетит птица, да с высоты... эх...» [33, с. 98]. Он даже допускает мысль о смерти от голода, представляя, как воздушное судно будет лететь вечно.

Честняков описывает летное пространство, равно разделяемое летательным судном и птицами: «Вороны, ястреба парят, расправили крылья, и выше и ниже корабля» [33, с. 98]. В итоге Пахом случайно нажал какой-то рычажок-крючочек – и птица-корабль приземлилась.

В отличие от Пахома, Стафий как создатель «летучего корабля» видит в нем исключительно достоинство, к сожалению, вовремя не использованное им: «Может быть, и усватался бы, кабы знала Таиса. Стану-де летать в корабле к мамоньке в гости... А если бы здешний народ полетал на моем корабле, то охотно бы слово сказал за меня» [33, с. 104]. Таисия позже запоем песенку о женихе и его «диговине», которую она воспринимает в соответствии со своим фольклорным сознанием (и заодно с авторской аллюзией на древнегреческую мифологию с ее Пегасом): «А Пахом улетел на крылатом коне» [33, с. 148].

Далее согласно логике сюжета Стафий вынужден был отправиться на поиски Пахома и своего корабля: так действуют законы жанровой разновидности романа-путешествия. Е.В. Честняков вводит в повествование новые технические подробности, которые подключает как средства управления летательным кораблем, причем даже на расстоянии. Писатель использовал какие-то известные ему научные описания телевизионного (или радиоуправляемого) устройства, применив новый для того времени термин «телевидение», причем заимствовав его из французского языка: «На корабле было приспособление, где получалось изображение местности впереди корабля.

Показатель, вроде часов, раскрывался на два диска, как карманные часы с пряжкой: на одном – чувствительные стрелки, как компас, на другом – телевидение, на котором видно было изображение тех предметов местности, которые были впереди корабля.

У Стафия же был прибор для управления кораблем на расстоянии. <Стафий спрятался за куст> и наблюдает <на экране прибора>, где и как летит корабль, подобно тому, как если бы сам сидел в нем» [33, с. 104]. Получается, что Пахом решил, будто летучий корабль послушал-

ся его воздействия на рычажок-крючок и приземлился, как это было описано Е.В. Честняковым раньше, а на самом деле Стафий посадил воздушное судно, управляя им издали [33, с. 105]. Таким образом во втором эпизоде Е.В. Честняков опровергает описанное в первом, в определенной мере показывая роль автора как главного управителя своими героями и событиями.

К телевизионному устройству обнаружения воздушного судна, которое в 1935 г. получило название радара в авиации, Е.В. Честняков обратится еще раз, показав невозможность работы прибора при выключенном приемнике (хотя речь шла не о радиосвязи, а о радарном слежении за самолетом наподобие эхолота, применявшегося военными кораблями для поиска подводных лодок).

Явление отражения радиоволн обнаружил Г. Герц в 1886–1889 гг., А.С. Попов в 1897 г. наблюдал его в действии на примере корабля [6, с. 371, стб. 1099]. В 1900 г. Никола Тесла предположил, что объекты на земле и в воздухе можно находить с помощью отраженных электромагнитных волн [30; 16]. В 1905 г. Кристиан Хюльсмайер (Хюльсмейер) испытал «телемобильскоп» (радиолокатор) и получил германский патент на идею прибора от 30 апреля 1904 г. [9]. Началась эра радиовидения и соответствующих приборов, работающих с помощью испускания радиоволн (радиоконпас, радиомаяк, радиолокатор и др.); появились научно-технические дисциплины для исследования и применения методов слежения за перемещением транспортных средств в пространстве, действующих на основе отражения радиоволн от разных поверхностей (радиолокация, радионавигация, радиопеленгация) [6; 7].

Итак, у Честнякова Стафий не смог на следующий день повторно отыскать «летучий корабль»: «Что за дело такое? Стрелки чувствительно мечутся по циферблату, а толку нет, телевидение не кажется, будто нет корабля в природе.

– Похоже, коронка потревожена, али что... Похоже, Пахом удосужился сложить корабль и упрятал где... и сломать мог совсем коронку-то, хрупкая, – подсадовал Стафий, – вот луч радия в эфире и заплутался, надэ будет поправлять, али новую ставить из запаса» [33, с. 108–109].

Для датировки произведения важны три употребленных Честняковым слова (или даже понятия, выраженных отдельными лексемами либо устойчивыми выражениями), которые тогда являлись неологизмами (и нововведениями): «телевидение», «луч радия в эфире» и «два диска, как карманные часы с пряжкой». Все эти термины и описания возникли в конце XIX – начале XX вв. и были известны Честнякову. Первым из новых приборов появился Диск Нипкова (англ. Nipkow disk) – оптико-механическое устройство для сканирования изображений – «электронный телескоп», изобретенное немецким инженером Паулем Нипковым в 1884 г. и являвшееся неотъемлемой частью многих систем телевидения с механической разверткой вплоть до 1930-х гг. [20; 34, с. 377, стб. 1118].

Далее, слово «télévision» (составное из греч. τῆλε «далекó» и лат. visio «видение») впервые использовал

на французском языке в 1900 г. русский учёный Константин Перский на VI Международном электротехническом конгрессе, прошедшем в рамках Всемирной выставки в Париже, а в России преимущественно использовались до 1930-х гг. термины-синонимы «дальновидение», «электровидение», «радиоскопия» [29].

Радий (более радиоактивный, чем уран) открыли супруги Пьер и Мария Кюри и Ж. Бемон в 1898 г. – после обнаружения А. Беккерелем явления радиоактивности в 1896 г.; в 1910 г. Мария Кюри и Андре Дебьерн выделили чистый радий [5, с. 339, стб. 1005].

Эфир в конце XIX в., во время учебы Честнякова, еще понимался как гипотетическая всепроникающая среда – переносчик света и электромагнитных явлений, учение о нем отталкивалось от древнегреческой мифологии с его трактовкой верхнего, наиболее легкого и прозрачного слоя воздуха. Научное понимание эфира как особого околоземного пространства было отменено с появлением теории относительности А. Эйнштейна в 1905 г. [17; 7, с. 54, стб. 149–150].

У Е.В. Честнякова была пара разных фотоаппаратов с пластинками, купленные во время его двух поездок в Санкт-Петербург с 1899 по 1905 гг. и в 1913–1914 гг.; понятно, что он интересовался химическими процессами, протекавшими при фотографировании и печати снимков, а также при их случайном засвечивании [1; 14, с. 57].

Безусловно, давним прообразом описанного телекоммуникационного устройства послужило волшебное зеркало или катающееся по серебряному блюдечку золотое яблочко из фольклорной сказки (СУС 329 – «Елена (Алена) Премудрая: хочет выйти замуж только за того, кто сумеет от нее спрятаться; герой чудесным образом <...> скрывается за волшебным зеркалом или за волшебной книгой и получает руку волшебницы»; СУС 709 – «Волшебное зеркальце (Мертвая царевна)»). Подобный сказочный предмет «информирует о состоянии внешнего мира»: СУС 329, СУС 709 [11, с. 35, 79].

Выводы

Получается, что Е.В. Честняков, в отличие от писателей-фантастов, не предвидел идею дистанционного управления: он вычитал ее в газетах или даже научной литературе и заимствовал как ценное изобретение человечества. Возникает дополнительный вопрос о цельности работы писателя над сюжетом о Стафии и о продолжительности процесса создания произведения, о времени его выхода из-под пера. Группировка всех изобретений, связанных с управлением летательными аппаратами с помощью телекоммуникационных средств, в узких временных рамках – чуть более чем в четверть века, не подтверждает вероятное предположение о том, что на протяжении многих десятилетий Е.В. Честняков возвращался к любимому сюжету и все более оснащал воздухоплавательное средство новинками технического прогресса. Такая гипотеза объясняла бы представление «летучего корабля» не во всей красе сразу, но истолковывала причины его обрисовки постепенно, по частям. Однако сопоставление художественных описаний с научными данными опровергает это предположение, тем

более что никаких иных примет времени (в первую очередь, знаков Советской эпохи) в произведении не появилось.

Будучи писателем-просветителем, Е.В. Честняков поступил очень мудро, не представляя сразу всю «техническую документацию» (или «технический паспорт», разрабатываемый инженерами-конструкторами и прикладываемый производителем к каждому прибору); он разбивает информацию на несколько частей и выдает каждую порцию постепенно, при определенном повороте сюжета.

Собственно, наблюдение читателя над «летучим кораблем» показывает, что именно он оказывается двигателем сюжета: все события разворачиваются вокруг него. Действительно, роль воздушного транспорта чрезвычайно велика в «Сказании о Стафии – Короле Тетеревинном»: заглавный герой оказывается совершенно

неординарным потому, что изобретает «диговину», потом он ее опробует в летном испытании, путешествует на ней по воздуху, посещает представителей разных слоев общества – крестьян, выходцев из деревни и прочих горожан, царскую семью; он прячет корабль от деревенских жителей и, наоборот, демонстрирует ее населению столицы, приглашает царевну Марию полетать в сопровождении стаи тетеревов и катает на своем воздухоплавательном судне одинокую девушку Одарью из покинутой жителями деревни Выхориха. Сюжет отчасти напоминает волшебную сказку, только без полемики насчет возможности построить самолет: «Деревянный орел (голубь): спор о том, кто изготовит самый чудесный предмет; мастер делает деревянного орла; царевич летает на нем в башню к царевне; его ловят и хотят казнить; улетает с места казни вместе с царевной» (СУС 575).

Список литературы

1. Анохин А.А. Светописец Ефим Честняков // Анохин А.А. Кострома в будни и праздники. Портрет города времен последнего императора. Губернские светописцы. – Кострома: Костромаиздат, 2013. – С. 254–258 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://starina44.ru/-svetopisec-efim-chestnyakov>; <https://kostroma.kostromka.ru/kostromaizdat/public/anochin/254.php> (дата обращения: 12.06.2021).
2. Афанасьев А.Н. Русские народные сказки: в 5 т. / под ред. А.Е. Грузинского. – 4-е изд. – М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1913–1914.
3. Аэроклубы / Аэродромы. Костромская область [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lookfortrip.ru/st/places_kostrom_o (дата обращения: 19.06.2021).
4. Белинович В.В. Игры в избе: пособие по работе в деревне. – Ростов н/Д: Северо-Кавк. краевой и Донской совет физ. культуры, 1926. – 36 с.
5. Бердонос С.С. Радий // Большая советская энциклопедия (БСЭ). Т. 21. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1975. – С. 339–340. Стб. 1005–1006.
6. Богомолов А.Ф. Радиолокация // БСЭ. Т. 21. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1975. – С. 270–373. Стб. 1097–1106.
7. Болотовский Б.М. Электродинамика движущихся сред // БСЭ. Т. 30. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1978. – С. 54–56. Стб. 149–154.
8. Броквелль М. Леонардо да Винчи / пер. Е. Боратынской. – М.: Товарищество Типолитограф. И.М. Машистова, 1910. – 80 с.
9. Великие немецкие изобретатели. Изобретатель радара Кристиан Хюльсмайер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lgroutes.com/Famous/Originator/Huelsmeyer.html> (дата обращения: 12.04.2021).
10. Волков Г.Н. Этнопедагогическая пансофия // Волков Г.Н. Избранные сочинения: в 7 т. Т. 2. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т им. И.Я. Яковлева, 2020. – 527 с.
11. Добровольская В.Е. Предметные реалии русской волшебной сказки. – М.: ГРЦРФ, 2009. – 222 с.
12. Зонтичное производство // Энциклопедический словарь. Т. XIIa / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб.: Типо-литогр. И.А. Ефрона, 1894. – С. 668–669.
13. Игнатъев В.Я. Ефим Васильевич Честняков. – Кострома: Теза, 1995. – 128 с.
14. Игнатъев В.Я., Трофимов Е.П. Мир Ефима Честнякова / В.Я. Игнатъев, Е.П. Трофимов. – М.: Молодая гвардия, 1988. – 223 с.
15. Искры. – 1914. – 29 июня.
16. История великого изобретения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rostec.ru/news/radar-istoriya-velikogo-izobreteniya> (дата обращения: 20.06.2021).
17. Киржниц Д.А. Эфир // БСЭ. Т. 30. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1978. – С. 320. Стб. 946–947.
18. Кожедуб И.Н. Самолетный спорт. Т. 22. / И.Н. Кожедуб, А.Ф. Косс // БСЭ. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1975. – С. 541. Стб. 1610–1611.
19. Никитин Г.А. Самолет / Г.А. Никитин, Е.А. Баканов // БСЭ. Т. 22. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1975. – С. 539–541. Стб. 1604–1609.
20. Нипков // Большая советская энциклопедия: в 30 т. Т. 18. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1974. – С. 27. Стб. 67.
21. Переписка А.Н. Толстого: в 2 т. Т. 1 / сост., подгот. текстов писем и коммент. А.М. Крюковой. – М.: Художественная литература, 1989. – 351 с.
22. Пути в избах. Триптих о шабловском праведнике, художнике Ефиме Честнякове / сост., авт. предисл. и коммент. Р.Е. Обухов. – М.: Междунар. центр Рерихов; Мастер-Банк, 2008. – 440 с.

23. Ремизов А.М. Во власти сказок / вступ. заметка, подгот. текста и коммент. А.М. Грачевой // Русская литература. – 2019. – №3. – С. 236–239.
24. Самоделова Е.А. Начала этнопедагогике Е.В. Честнякова в Костромской губернии // Этнопедагогика как фактор сохранения российской идентичности. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2017. – С. 100–105.
25. Свайль Г. Леонардо да-Винчи как художник и ученый (1452–1519): опыт психол. биогра. / пер. с фр. – СПб.: Л.Ф. Пантелеев, 1898. – 336 с.
26. Серов И.А. Все как в жизни. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2001. – 236 с.
27. Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников [и др.]. – Л.: Наука, 1979. – 437 с.
28. Филиппов М.М. Леонардо да Винчи. Его жизнь и деятельность: биогра. очерк. – СПб.: Типогр. Товарищества «Обществ. польза», 1892. – 88 с.
29. Хакимова Л. История телевидения: от механических систем до ОТТ-платформы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cableman.ru/article/istoriya-televideniya-ot-mekhanicheskikh-sistem-do-ott-platformy> (дата обращения: 04.07.2019).
30. Цверева К.Г. Тесла // БСЭ. Т. 25. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1976. – С. 512–513. Стб. 1524–1525.
31. Честняков Е.В. Поэзия / сост. Р.Е. Обухов. – М.: Компьютерный аудит, 1999. – 336 с.
32. Честняков Е.В. «Русь, уходящая в небо...»: материалы из рукописных книг / сост. Т.П. Сухарева. – Кострома: Костромаиздат, 2011. – 168 с.
33. Честняков Е.В. Сказание о Стафии – Короле Тетеревином / сост. Р.Е. Обухов. – М.: Междунар. центр Рерихов; Мастер-Банк, 2007. – 368 с.
34. Шмаков И.В. Телевидение // БСЭ. Т. 19. – М., 1975. – С. 376–378. Стб. 1116–1120.
35. Этнопедагогический манифест И.Я. Яковлева: к 155-летию со дня рождения И.Я. Яковлева. – Чебоксары: ИПК «Чувашия», 2003. – 59 с.

References

1. Anokhin, A. A. (2013). Svetopisets Efim Chestniakov. Anokhin A.A. Kostroma v budni i prazdniki. Portret goroda vremen poslednego imperatora. Gubernskie svetopisetsy, 254-258. Kostroma: Kostromaizdat. Retrieved from <http://starina44.ru/-svetopisec-efim-chestnyakov>
2. Gruzinskogo, A. E., & Afanas'ev, A. N. (1913). Russkie narodnye skazki. M.: Tip. T-va I.D. Sytina-.
3. Aerokluby. Retrieved from https://lookfortrip.ru/st/places_kostrom_o
4. Belinovich, V. V. (1926). Igry v izbe., 36. Rostov n/D: Severo-Kavk. kraevoi i Donskoi sovetskoj fiz. kul'tury.
5. Berdonosov, S. S. (1975). Radii. Bol'shaia sovetskaia entsiklopediia (BSE). T. 21, 3, , 9-40. M.: Sovetskaia entsiklopediia.
6. Bogomolov, A. F. (1975). Radiolokatsiia. BSE. T. 21, 3, , 270-7. M.: Sovetskaia entsiklopediia.
7. Bolotovskii, B. M. (1978). Elektrodinamika dvizhushchikhsia sred. BSE. T. 30, 3, , 54-56. M.: Sovetskaia entsiklopediia.
8. Brokvell', M., & Boratynskoi, E. (1910). Leonardo da Vinchi., 80. M.: Tovarishchestvo Tipolitogr. I.M. Mashistova.
9. Velikie nemetskie izobretateli. Izobretatel' radara Kristian Khiul'smaier. Retrieved from <https://lgroutes.com/Famous/Originator/Huelsmeyer.html>
10. Volkov, G. N. (2020). Etnopedagogicheskaja pansofiia. Volkov G.N. Izbrannye sochineniia, 527. Cheboksary: Chuvash. gos. ped. un-t im. I.Ia. Iakovleva.
11. Dobrovol'skaia, V. E. (2009). Predmetnye realii russkoi volshebnoi skazki., 222. M.: GRTsRF.
12. (1894). Zontichnoe proizvodstvo. Entsiklopedicheskii slovar'. T. XIIa, 668-669. SPb.: Tipo-litogr. I.A. Efrona.
13. Ignat'ev, V. Ia. (1995). Efim Vasil'evich Chestniakov., 128. Kostroma: Teza.
14. Ignat'ev, V. Ia., & Trofimov, E. P. (1988). Mir Efima Chestniakova., 223. M.: Molodaia gvardiia.
15. Iskry. 1914. June 29.
16. Istoriia velikogo izobreteniiia. Retrieved from <https://rostec.ru/news/radar-istoriya-velikogo-izobreteniya>
17. Kirzhnits, D. A. (1978). Efir. BSE. T. 30, 3, , 20. M.: Sovetskaia entsiklopediia.
18. Kozhedub, I. N., & Koss, A. F. (1975). Samoletnyi sport. T. 22. BSE, 3, , 541. M.: Sovetskaia entsiklopediia.
19. Nikitin, G. A., & Bakanov, E. A. (1975). Samolet. BSE. T. 22, 3, , 59-541. M.: Sovetskaia entsiklopediia.
20. (1974). Nipkov. Bol'shaia sovetskaia entsiklopediia, 3, , 27. M.: Sovetskaia entsiklopediia.
21. Perepiska, A. N., & Kriukovoi, A. M. (1989). Tolstogo: v 2 t. T. 1., 351. M.: Khudozhestvennaia literatura.
22. Obukhov, R. E. (2008). Puti v izbakh. Triknizhie o shablovskom pravednike, khudozhnike Efime Chestniakove., 440. M.: Mezhdunar. tsentr Rerikhov; Master-Bank.
23. Remizov, A. M., & Grachevoi, A. M. (2019). Vo vlasti skazok. Russkaia literatura, 3, 236-239.
24. Samodelova, E. A. (2017). Nachala etnopedagogiki E.V. Chestniakova v Kostromskoi gubernii. Etnopedagogika kak faktor sokhraneniia rossiiskoi identichnosti, 100-105. Cheboksary: Chuvash. gos. ped. un-t.
25. Svail', G. (1898). Leonardo da-Vinchi kak khudozhnik i uchenyi (1452-1519), 336. SPb.: L.F. Panteleev.
26. Serov, I. A. (2001). Vse kak v zhizni., 236. Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova.

27. Barag, L. G., Berezovskii, I. P., & Kabashnikov, K. P. (1979). Sravnitel'nyi ukazatel' siuzhetov: Vostochnoslavianskaia skazka., 437. L.: Nauka.
28. Filippov, M. M. (1892). Leonardo da Vinchi. Ego zhizn' i deiatel'nost', 88. SPb.: Tipogr. Tovariščestva "Obščestv. pol'za".
29. Khakimova, L. Istoriia televideniia: ot mekhanicheskikh sistem do OTT-platformy. Retrieved from <https://www.cableman.ru/article/istoriya-televideniya-ot-mekhanicheskikh-sistem-do-ott-platformy>
30. Tsverava, K. G. (1976). Tesla. BSE. T. 25, 3, , 512-51. M.: Sovetskaia entsiklopediia.
31. Chestniakov, E. V., & Obukhov, R. E. (1999). Poeziia., 336. M.: Komp'iuternyi audit.
32. Chestniakov, E. V., & Sukhareva, T. P. (2011). "Rus', ukhodiashchaia v nebo...": materialy iz rukopisnykh knig., 168. Kostroma: Kostromaizdat.
33. Chestniakov, E. V., & Obukhov, R. E. (2007). Skazanie o Stafii., 368. M.: Mezhdunar. tsentr Rerikhov; Master-Bank.
34. Shmakov, I. V. (1975). Televidenie. BSE. T. 19, 1116, 376-378. M.
35. (2003). Etnopedagogicheskii manifest I.Ia. Iakovleva., 59. Cheboksary: IPK "Chuvashiia".

Информация об авторе

Самоделова Елена Александровна – д-р филол. наук, старший научный сотрудник ФГБУН «Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН)», Москва, Российская Федерация.

Information about the author

Elena A. Samodelova – doctor of philological sciences, senior research fellow at FPFIS "A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences" (IWL RAS), Moscow, Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 12.07.2021

Принята к публикации / Accepted 21.09.2021

Опубликована / Published 28.09.2021